

— На следующее утро, — продолжил Гарри, — он отправил Минерву Макгонагалл, заместителя директора Хогвартса, в резиденцию Дурслей, чтобы та пошпионила за домом. Поскольку она была анимагом и могла принимать облик кошки-табби, то легко могла скрываться на виду и наблюдать. — В ту ночь, после того как со мной больше ничего не случилось, Дамблдор позвал Хагрида в больничное крыло. И поручил ему отвезти меня в дом Дурслей на мотоцикле Сириуса. Вскоре после того, как Хагрид уехал, он лишил Поппи всех знаний о душевной пиявке, все еще привязанной ко мне. Да, еще один нарушенный закон. — Когда Хагрид прибыл в дом Дурслей, его ждали Дамблдор и МакГонагалл. Дамблдор взял меня из рук Хагрида и прикрепил записку к одеялу, в которое я был завернут. Затем он оставил меня на пороге, нажал на дверной звонок и ушел. Это и есть отказ от ребенка. — Он знал, как Дурсли относятся к магии и как горько моей... родственнице... было от того, что моя мать была ведьмой, хотя она ею не была. А следящие чары, которые он наложил на дом, позволяли ему быть в курсе того, что происходило на самом деле. — На этом я заканчиваю свой рассказ, — закончил Гарри. — Спасибо, милорд Поттер, — сказала королева. — Но вы могли бы рассказать им о том, как с вами обращались и будут обращаться Дурсли. Мирдин был прав, когда сказал, что вам нечего стыдиться или смущаться. — Лорд Поттер, — тихо сказала Эмма, привлекая внимание Гарри. — О, о! — подумал Гарри. — Что с вами случилось, пока вы были у Дурслей? Эмма продолжила голосом, полным яда: — Это Дурсли, мэм, — ответил Гарри, пытаясь заставить себя исчезнуть. — И я бы предпочел, чтобы вы и остальные здесь не знали. — Почему? — резко спросила она. — Э-э-э... Потому что, включая Ее Величество, здесь пять родителей или опекунов, — кротко ответил он. — А... И я знаю, как ты отреагируешь. И я не могу позволить вам, любому из вас, "сорваться", чтобы Дамблдор узнал, что у Дурслей что-то изменилось, когда мы так близко к 1 сентября. — Скажи. Мне. Сейчас же! — сказала она очень тихим и низким тоном. — Расскажите ей, лорд Поттер, — тихо сказала королева. — Расскажи им всем. 'О, Боже!' — подумал Гарри. Королевская магия повеления. — Я подвергался... словесному и... физическому... насилию, — сказал Гарри, борясь с магией. — Когда Мирдин спас меня... у меня было... сотрясение мозга от побоев... Гарри понял, что не сможет сопротивляться магии, и сдался. Вздохнув, он продолжил: — Я сильно недоедал. Мне разрешали есть только объедки со стола. Яд вьедался в кожу моих рук от ежедневного выдергивания сорняков, отчего руки становились красными и распухшими. Моей спальней был чулан под лестницей, кроватью — старая собачья корзина, и меня часто запирали там на несколько дней подряд. У меня были плохо заживающие переломы рук, одной ноги и нескольких ребер. На моем теле остались шрамы от пребывания там. Меня заставляли делать всю работу по дому. Я думала, что меня зовут "Урод", пока Мирдин не спас меня, потому что только так меня называли мои... родственники.... Меня не любили и презирали все, потому что мои родители были волшебником и ведьмой. Они намеревались выбить из меня магию, если я покажу хоть малейший признак того, что она у меня есть. Закончив рассказ, Гарри сидел, склонив голову, и ждал... Как ни странно, первой отреагировала Гермиона. Она перебралась к нему на колени и обняла его. Но её движение вызвало ту реакцию, которую он ожидал. — ЧТО?! И тут на него обрушилась стена звука. Он услышал обрывки фраз "герой волшебного мира", "младше четырех лет", "пытаешься выбить магию?", "думаю, теперь я могу вынуть свой груз" от Дэна и некоторые другие. Гермиона не двигалась. Она просто обняла его еще крепче и не отпускала. Гарри не знал, была ли это Королева, снова использующая свою магию, так как глаза его были закрыты, но шум очень быстро утих примерно через десять секунд. — Это еще не все, — тихо сказала Королева. — Судя по тому, что Мирдин сказал сегодня в своем послании нам, Дамблдор знал обо всем, как обращались с Гарри. Он установил магическое наблюдение за домом Дурслей. Снова ошеломленное молчание. — К черту суд, — холодно сказала Амелия. — Я сама его убью. — Нет, не убьешь, — невозмутимо заявила королева. — Мы тщательно обдумали этот вопрос, и лорд Поттер прав. Мистер Дамблдор и Дурсли будут наказаны в свое время, но с этим придется повременить. — Ваше Величество, — сказала Амелия, — он нарушил закон, а мне поручено его соблюдать. Я должна его арестовать. — И Мы - последний арбитр

закона, — ответила королева. — Мы решили, что это подождет. Господин Дамблдор никуда не собирается уходить, поскольку верит, что его планы в силе. Дурсли никуда не уйдут, поскольку верят, что Гарри все еще с ними. Заранее зная, что собирается делать наш враг, мы можем контролировать ситуацию. Если мы начнем действовать против Дурслей и Дамблдора слишком рано, эти планы рухнут. — Мы также не будем действовать против нашего министра магии Корнелиуса Фаджа, так как Мирдин и лорд Поттер попросили нас не делать этого. Амелия вздохнула и кивнула головой. — Мы все еще не понимаем, зачем вам нужен этот первый год, лорд Поттер, — сказала королева, обращаясь к Гарри. — Потому что проблема широкого распространения пассивного подстрекательства начинается в Хогвартсе. Это основа того, почему мир волшебников в Британии думает так, как думает, — ответил Гарри. — Объясните, пожалуйста, — приказала Королева. Гарри кивнул и, попросив Гермину спрыгнуть, начал. — Отношение волшебников и ведьм ко всему, что не так с миром волшебников, начинается именно там, — сказал он. — С рождения и до одиннадцатого года жизни те, кто родился в мире волшебников, постоянно ощущают магию вокруг себя. Поэтому они растут, зная о магии. И они растут, узнавая много нового о традициях волшебного мира. — Обычные же дети не имеют ни малейшего представления о мире волшебников до тех пор, пока не получают письмо с приглашением в Хогвартс, доставленное лично человеком, который в настоящее время является заместителем главы Хогвартса. Тогда они узнают о своем... наследии... но не более того. Они понятия не имеют о традициях, о правильном и неправильном, относящемся только к миру волшебников. — Потом они учатся в Хогвартсе. В Хогвартсе их высмеивают за то, что они не знают того, что уже известно детям, выросшим в волшебных семьях. А чистокровные презирают их, потому что они, чистокровные и другие магически воспитанные, считают, что дети, воспитанные мирскими магами, просто попирают их традиции. Это просто глупо. В Хогвартсе дети проводили свои дни за уроками, которые занимали добрых четыре-пять часов, пять дней в неделю. Лишь немногие из них имели возможность посвятить себя внеклассной деятельности, в частности, спорту, именуемому квиддичем. Остальным же оставалось лишь томиться над домашними заданиями, а праздные руки, как известно, — дело дьявола. — Вы также считаете, что для детей, выросших в обычном мире, должны быть организованы занятия, где они могли бы познакомиться с культурой и традициями магического мира? — задумчиво произнес один из родителей. — Ведь они проводят в школе около девяти месяцев в году, в период своего становления, от одиннадцати до семнадцати или восемнадцати лет, в зависимости от месяца рождения. — Более того, я ожидал бы, что для магически воспитанных детей будут организованы занятия по обычной культуре и традициям, — добавил другой. — Однако все, что они получают, — это короткие еженедельные занятия по так называемому "маггловедению", и то, по желанию. Даже называя его таким образом, магическое сообщество... приучено... использовать этот оскорбительный термин. И, что еще хуже, материал этих занятий настолько устарел или просто неверен, что в нынешнем виде не представляет никакой ценности.